

Как становятся антибольшевиками? Генерал Е.К. Миллер и революционная армия в 1917 году*

Персональный опыт столкновения офицеров с революционной стихией на излете Первой мировой войны в 1917–1918 годах порой влиял на выбор ими будущих лагерей Гражданской войны. В этом отношении весьма характерен инцидент, произошедший с будущим вождем Белого движения на Севере России генерал-лейтенантом Евгением Карловичем Миллером¹.

Генерал Миллер был ярким представителем элиты русского Генерального штаба (выпуск 1892 года из Николаевской академии Генерального штаба) и, вероятно, одним из лучших генштабистов русской армии. Вот некоторые штрихи к его портрету. В молодости – блестящий офицер гвардейской кавалерии, гусар, позднее возглавивший Николаевское кавалерийское училище. Лютеранин по ве-

© Ганин А.В., 2014

* Исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)».

роисповеданию и отец большого семейства (на 1914 год – трое детей). Длительное время – военный агент в Италии, осуществлявший сбор разведывательной информации. В годы Первой мировой войны – генерал-лейтенант, начальник штаба 5-й армии, командир XXVI армейского корпуса².

Даже по мнению своих противников, Миллер был честным и порядочным офицером. По убеждениям являлся монархистом, но в целом лояльно относился и к приверженцам других взглядов (кроме леворадикальных), был противником жестокостей. В период Гражданской войны, по свидетельству очевидца, «и Миллер, да и все правительство... было помешано на правовых началах – в противоположность большевистскому произволу мы должны были насаждать правовой строй...»³. Миллер обладал поистине немецкой работоспособностью: в годы Первой мировой войны работал дено и ношно и требовал того же от подчиненных. В том же стиле он продолжил работать и на Севере России в Гражданскую войну – спал по 5–6 часов⁴, а в остальное время занимался государственными вопросами. Это подтверждает и британский генерал У. Айронсайд, по свидетельству которого Миллер работал буквально на износ, по 16 часов в сутки без отдыха, хотя нередко занимался различными административными мелочами⁵. Авторитет Миллера был столь высок, что отдельные военспецы-генштабисты РККА не хотели воевать против него. Служивший в РККА бывший Генштаба генерал-майор Н.П. Сапожников в показаниях по делу «Весна» в январе 1931 года не побоялся заявить: «Гражданской войне, как войне братоубийственной, вызывавшей разруху, я не сочувствовал, и с нетерпением ждал ее конца. Поэтому фронтовую службу до начала белопольской войны я нес без внутреннего удовлетворения (был случай, когда я просил не назначать меня на Сев[ерный] фронт, где белыми командовал Миллер, к которому я относился с уважением в бытность его моим начальником)...»⁶.

Февральскую революцию части корпуса Миллера, дислоцированные в Румынии (штаб – город Кимполунг), встретили спокойно. Как отмечал он сам, «через несколько дней в Кимполунге на разных зданиях, в том числе и на домах, занятых войсковыми частями появились красные флаги; на улице солдаты и офицеры и чиновники стали попадаться с красными бантами. Не видя в этом, ввиду совершившегося государственного переворота, ничего предосудительного, я, на обращенные ко мне вопросы, приказал этому не препятствовать. Не говоря уже о Кимполунге, но и все шоссе в направлении к позиции, по которому я ежедневно почти ездил, было усеяно красными флагами с разными надписями в честь свободной России, свободной армии и т.п.

Разрешив, таким образом, ношение красных бантов вообще, я не считал себя, однако, вправе разрешить солдатам выходить в строй с красными флагами и с красными бантами, так как этим нарушаются правила о форме одежды в строю»⁷.

Приказ № 1 Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов Миллер постарался не пропустить в войска, более того, он выступил против реформ, «которые в некоторых тыловых частях корпуса проводились по примеру Петрограда, Киева и т.д. захватным правом, не получив на то законного указания и распоряжения»⁸. При этом корпус Миллера был соседом 8-й армии, в которой революционные порядки получили более широкое распространение. Все это не могло не вызывать недовольства солдат. Тем более что разлагавшие основы дисциплины нововведения появлялись одно за другим, а особенное брожение вызывали газеты. Ситуация усугублялась нахождением корпуса на территории иностранного государства.

Как свидетельствовал сам Миллер, «я, вообще, считал проведение реформ, ломающих установленный внутренний уклад армии, несвоевременным, когда мы стоим лицом к лицу с врагом, как бы они по существу не были заманчивы, так как самое проведение реформ потребует от начальствующих лиц массу времени, внимания, работы, отвлечет умы солдат и офицеров от боевой работы в то время, когда в предвидении наступающей весны и ожидаемого возобновления боев, все время и все силы должны быть посвящены на боевую подготовку»⁹. Миллер решил сделать все возможное, чтобы преобразования прошли «без малейших трений, ущерба для дисциплины и службы»¹⁰. Ввиду некоторого отставания в печатании штабом корпуса воззваний Временного правительства в сравнении с соседями в тыловой солдатской среде начались разговоры, в адрес Миллера стали поступать анонимные письма. При этом генерала нельзя считать ретроградом и консерватором. Он был готов принять некоторые нововведения. Например, он искренне считал, что новое приветствие «Здравие желаю, господин генерал» звучало лучше прежнего обращения «Ваше Превосходительство»¹¹.

15 марта корпус принесил присягу Временному правительству. Миллер обратился к войскам со словами о том, что император своим отречением освободил армию от междоусобицы или клятвопреступления и теперь нужно верно служить новому правительству. Возбужденные принесенной присягой солдаты организовали манифестацию по Кимполунгу в сопровождении оркестра, а во второй половине дня толпа пришла к дому Миллера приветствовать командира корпуса. Генерал выступил с речью о том, что новая народная власть сделает Россию счастливой и довольной, но нельзя забывать о необходимости борьбы с коварным врагом. Свое обращение Миллер закончил криком «Ура!», который был подхвачен толпой, а самого генерала даже подняли и качали. Надо сказать, Миллер вообще держал себя довольно просто – он постоянно ездил по частям корпуса, вел разговоры с офицерами до прапорщиков включительно, обсуждал текущие вопросы. Однако от введения в корпусе комитетов, публикации приказа о прощении дезертиров Миллер воздерживался. О своих действиях он писал: «Я по совести ни в чем себя упрекнуть не могу: все мои стремления и распоряжения клонились к сохранению в корпусе порядка и боеспособности его частей; там, где я видел хотя и не узаконенную, но полезную деятельность в этом направлении, я ей не препятствовал»¹². Генерал считал, что армия должна быть вне политики, особенно русская армия, рядовой состав которой отличался низким уровнем развития и свойственной такому уровню нетерпимостью¹³.

Между тем дисциплина в корпусе постепенно падала. Одним из активных революционных пропагандистов в корпусе был ветеринарный врач Ланда (Миллер даже вызывал его к себе и беседовал два с половиной часа, впоследствии Ланда стал председателем корпусного съезда), который, видимо, сыграл в истории с Миллером подстрекательскую роль. Около 16 марта прошел митинг, на котором выкрикивали: «Долой войну!», а на Пасху 2 апреля 1917 года произошло братание с австрийцами. Неудивительно, что 7 апреля при встрече тыловых пополнений в корпусе возник бунт.

Обычный порядок встречи тыловых пополнений в корпусе был следующим. Войска выстраивались вдоль шоссе для представления командиру корпуса. На правом фланге располагался хор музыки. Миллер проходил вдоль строя и здоровался с ротами, бегло осматривал одежду и обувь, спрашивал командиров о недочетах. Затем, начиная с левофланговой роты, вызывал вперед всех бывших на фронте и эвакуированных по ранению. Их Миллер благодарил за службу, после чего вызывал вперед трижды раненых и не получивших ни одной боевой

награды – им вручались Георгиевские медали 4-й ст. Затем вызывались вперед георгиевские кавалеры Первой мировой войны, каждого из которых Миллер расспрашивал о совершенном подвиге. После этого командир корпуса выяснял, нет ли солдат, бывших в боях и представленных к наградам, но их еще не получивших. Если такие встречались, давались указания об ускорении переписки. Далее командир корпуса выяснял, нет ли в роте солдат, ранее служивших в корпусе и желавших попасть в свои прежние полки. Завершив опрос, Миллер говорил слова напутствия каждой роте, после чего войска проходили церемониальным маршем¹⁴.

Утром 7 апреля 1917 года командир XXVI армейского корпуса генерал Миллер вышел к четырем маршевым ротам пополнения (около 800 человек, причем не менее половины с оружием), прибывшим накануне на укомплектование 65-й и 189-й пехотных дивизий из 258-го запасного полка в городе Радауц и Кимполунг. На правом фланге головной роты стоял знаменщик с красным флагом, и около 8 солдат вокруг в нарушение установленной формы одежды имели красные банты. Через корпусного коменданта удалось добиться, чтобы знаменщик покинул строй, однако оставить флаг он отказывался (Миллер предлагал повесить флаг у штабного дома). Миллер прошел вдоль строя, уговаривая солдат снять неуставные банты. Семеро солдат отказались подчиниться, вернувшись в строй и знаменщик, заявив генералу, что из строя не выйдет.

Тогда Миллер приказал арестовать солдата со знаменем за неисполнение приказа командира корпуса. В результате начался солдатский бунт. Впоследствии генерал отмечал, что не сожалеет о своем поступке: «И теперь, после двух недель ареста, после всех перенесенных мною оскорблений и унижений, переживая в памяти злополучное утро 7-го апреля, я остаюсь при том убеждении, что иначе поступить я не мог... Но даже и так, как сложились обстоятельства, все то скверное и безобразное, что произошло, принесло меньше вреда, не мне лично, конечно, а делу сохранения в частях корпуса дисциплины и порядка; не жели, если бы я, корпусной командир, спасовал перед наглым ответом солдата из строя, если бы я в глазах всех моих подчиненных заслужил нареkanie в трусости, а 10 человек, только что прибывших с тылу (а затем и вся маршевая рота), поступили бы в полки с похвальбой, что стоило прийти им, нескольким самоуверенным и дерзким людям, чтобы перевернуть тот порядок, которому подчинялся весь корпус и заставить командира корпуса, а следовательно, и всех подчиненных ему начальников, предпочесть исполнять их желания – вернее, требования – соблюдению приказов командующего армией и главнокомандующего»¹⁵. Со дня на день Миллер ожидал нового ответственного назначения и считал, что должен был сдать корпус, сохранившим дисциплину.

Солдаты моментально окружили Миллера, начали угрожать ему, ругались, сорвали шашку, погоны (как с пальто, так и с кителя) и поволокли генерала вдоль строя. Из толпы солдат помимо ругательств выкрикивались призывы поднять Миллера на штыки, крики «изменник, немец», «довольно нашу кровь пить», «приятель Николки», «сторонник старого режима», «ты нам все про работу говорил, а про свободу ничего не говорил». Озлобление толпы росло, генерала стали избивать, били по голове и по спине, в том числе его же шашкой в ножнах, разбили голову, толкнули в грязь, сорвали фуражку, разорвали пальто и едва не убили. В случае малейшего сопротивления, он был бы поднят на штыки. Правда, раздавались и призывы не трогать генерала. По его словам, «как ни отвратительна смерть от собственных своих солдат, как ни гадко и безобразно видеть и чувствовать над собой грязные солдатские сапоги, я в эту минуту ско-

рее был рад, что наступает конец моим мучениям»¹⁶. Однако Миллер, испытавший не самые приятные минуты, все же уцелел. Ему, можно сказать, повезло; по меньшей мере 11 выпускников и слушателей академии были убиты разбушевавшейся солдатской массой в 1917 году¹⁷. Количество раненых, испытавших на себе побои, оскорбления и унижения не поддается подсчету.

Окровавленного генерала в разорванном пальто дотащили до площади перед помещением этапного коменданта, где солдаты митинговали не менее часа, после чего решили арестовать генерала на гауптвахте. Его обыскали, сняли шпоры, осмотрели бумажник, кошелек и карманы в поисках оружия. Командование корпусом принял генерал С.К. Добророльский. Около 12 часов дня Миллер уже находился на гауптвахте, а через час к нему допустили корпусного врача, сделавшего перевязку головы. Питание Миллер получал из офицерского собрания, хотя и нерегулярно. Лишь через сутки ареста питание стали приносить регулярно, также принесли газеты и брошюры, разрешили отправить телеграмму жене, не упоминая об инциденте, однако в выдаче письменных принадлежностей отказали. Особенно угнетало генерала то, что вскоре его соседями оказались пленные немцы и австрийцы. В голове генерала-традиционалиста не укладывался сам факт революционного ареста своими и приравнивания добросовестного русского офицера к пленным врагам.

На корпусном съезде, «узаконившем» арест Миллера (правом ареста генералов обладал лишь император, а после революции – военный министр), присутствовал командующий 9-й армией Румынского фронта генерал П.А. Лечицкий. Именно в состав его армии входил корпус Миллера. По свидетельству Лечицкого, причины неприязни к генералу были следующими (в изложении генерала М.В. Алексеева в письме к военному министру А.Ф. Керенскому от 16 мая 1917 года): «Генерал Миллер работал сам целые дни, а иногда и ночи, посещая постоянно позиции, требовал такой же службы от офицеров и солдат; осматривая боевые позиции, генерал Миллер часто посещал такие места, где не бывали даже батальонные и ротные командиры; выходил за проволочные заграждения, поверял секреты и назад возвращался, иногда на фронте соседней своей войсковой части, подходя со стороны противника.

Это последнее обстоятельство было совершенно естественно при разном удалении наших частей от позиции противника.

Кроме того, бывало нередко, что сильно обстреливаемые участки противником при его обходе случайно не обстреливались.

Все это в связи с его немецкой фамилией послужило поводом возникновения среди солдат вздорных слухов и рассказов, что он, якобы, изменник.

Наконец, создалось убеждение, что все распоряжения, клонящиеся к распространению прав солдата, и самая присяга задерживались им, будто бы умышленно, не учитывая того, что по отдаленности Румынского фронта все распоряжения получались позднее, чем в соседнем 18 корпусе»¹⁸.

Уже 8 апреля Лечицкий направил весьма секретный рапорт непосредственно военному министру. В рапорте он назвал корпусной съезд дикой, недисциплинированной, безумной толпой¹⁹. Лечицкий был убежден, что против Миллера велась агитация. Показателем идейных расхождений в высшем командном составе стала резолюция, наложенная на этот документ начальником Генерального штаба генералом П.И. Аверьяновым: «А ведь началось из-за пустяков: генерал Миллер потребовал снятия красных бантов с груди явившихся солдат»²⁰.

Несомненно, почву для обывательских разговоров о содействии Миллера немцам и о предательстве создавала немецкая фамилия генерала (это накладыва-

валось на антинемецкую истерию, распространившуюся в годы войны и вылившуюся в погромы и шпиономанию). В связи с этим Миллер показывал: «Тех лиц, которые ради популярности или страха ради иудейски меняют фамилии своего отца и деда, я уважаю немножко меньше, чем раньше, до перемены фамилии, и их примеру следовать не предполагаю.

Седанскую капитуляцию подписали генерал Вимпфен и полковник Вердидю-Вернуа. Первый был француз, а второй – немец; тому и другому, наверное, никогда и в голову мысль не приходила, что для славы немецкого и французского оружия соотечественники ожидают, чтобы они взаимно обменялись фамилиями»²¹.

Впоследствии Миллер узнал, что среди солдат ходили разговоры о назначении столь молодого генерала командиром корпуса по протекции императора и что по этой причине Миллер должен был быть сторонником старого режима²². По этому поводу Миллер отмечал: «Что касается моей молодости и быстрой карьеры, то я более молоджав, чем молод; служба моя протекла, в смысле движения, в самых нормальных условиях службы Генерального штаба: 15 лет до чина полковника, 8 лет в чине полковника, более 5 лет в чине генерал-майора и производство в генерал-лейтенанты во время войны на должности начальника штаба армии, в настоящее время я имею 30½ лет службы в офицерских чинах; искать здесь основание для опорочивания моей личности и возбуждения солдат против меня – прием нечестный»²³.

Корпусной съезд постановил держать Миллера под арестом, что было позднее санкционировано военным министром А.И. Гучковым. Униженный солдатами генерал был вторично унижен «демократическим» министром. Были проведены обыски у Миллера, а также на квартире его жены в Москве, письма жены задержаны²⁴. Генерал был отрешен от командования и три недели провел под арестом, включая четыре дня ареста на солдатской гауптвахте²⁵. Разумеется, для заслуженного генерала это было оскорбительно и не укладывалось ни в какие рамки прежней службы. При этом пресса начала публиковать порочащие Миллера сведения, которые он не имел возможности опровергнуть. О взбунтовавшихся солдатах Миллер рассуждал: «Жалкий серый люд, который можно подбить на что угодно; пускай они доблестной боевой службой загладят свою вину»²⁶. Однако, думается, речь не идет о презрении к народу, а лишь о том, что солдатской массе свойственен анархизм, и она может не понимать интересов государства.

Миллер пользовался авторитетом в глазах высшего командования. Еще в конце марта было возбуждено ходатайство главнокомандующего армиями Западного фронта генерала В.И. Гурко о назначении Миллера начальником штаба (Гурко знал Миллера около 30 лет, причем Миллер девять месяцев был у него в 5-й армии начальником штаба). Министр Гучков был на это согласен. После того как начальник штаба главнокомандующего армиями Румынского фронта генерал М.И. Шишкевич оставил этот пост, Верховный главнокомандующий генерал М.В. Алексеев предложил назначить на него Миллера, «считая его наиболее соответствующим именно на этот фронт, как знающего иностранные языки, обладающего штабным опытом и умеющего обходиться с людьми, что особенно было важно в виду сложных отношений с Румынским Двором»²⁷. Эти доводы также были благоприятно восприняты Гучковым, который 7 апреля просил Алексеева распорядиться о назначении Миллера, что и было сделано на следующий день. Телеграмму Ставки о желательности его назначения начальником штаба Румынского фронта Миллер получил буквально накануне инцидента.

Сам Миллер предпочитал назначение на Западный фронт. Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал А.И. Деникин сообщал главнокомандующему армиями Западного фронта из Ставки 6 апреля 1917 года, что «генерал Миллер, основываясь на Вашем предложении, сообщает, что он предпочитает быть назначенным наштазапом, а не наштаарумом и соглашается на последнее назначение в случае, если Вы изменили свое намерение, и он не может быть назначен наштазапом»²⁸. Впрочем, подобная витиеватость мысли могла быть проявлением этикета, чтобы не обидеть командование Западного фронта в условиях фактически решенного вопроса с назначением на Румынский фронт. Но солдатский бунт спутал все карты.

В революционной армии, управлявшейся солдатскими комитетами, повышение Миллера после случившегося было чревато беспорядками. Гражданским военным министром и солдатскими массами разлагавшейся армии были востребованы иные качества, чем военный профессионализм (показательно, что на отношение высшего командного состава к Миллеру инцидент с арестом никак не повлиял, главнокомандующий армиями Западного фронта генерал Гурко и позднее просил назначить Миллера к себе начальником штаба²⁹). Об инциденте дежурный генерал Ставки сообщил 9 апреля начальнику Генерального штаба для доклада военному министру. Гучков приказал задержать назначение Миллера начальником штаба главнокомандующего армиями Румынского фронта³⁰. Этот пост занял генерал Н.Н. Головин.

Фактически Миллер в результате солдатского произвола попал под так называемые гучковские чистки – мероприятия по удалению из командного состава русской армии лиц, признанных реакционными элементами, а фактически проявивших нелояльность по отношению к новым властям или заподозренных в ней, проведенные военным министром Временного правительства Гучковым. Чистки проводились в основном в марте – апреле 1917 года под предлогом омоложения командного состава и удаления некомпетентных начальников. Эта акция также являлась формой популистского заигрывания с солдатскими массами. Со сменой главы военного министерства, несмотря на противоречия между Гучковым и его преемником А.Ф. Керенским, политика в отношении офицерства в целом осталась прежней и в целом сводилась к формуле «революция не знает врагов слева», по которой под подозрение автоматически попадал кадровый офицерский корпус. Немецкая фамилия генерала в этом отношении была настоящим жупелом, признаком явной реакционности и монархизма.

По разным подсчетам, к 10 августа 1917 года были сняты с должностей 140 генералов, в том числе двое верховных главнокомандующих (М.В. Алексеев и А.А. Брусилов), пятеро главнокомандующих армиями фронтов (В.И. Гурко, А.Е. Гутор, Н.В. Рузский, В.В. Сахаров, Н.Н. Юденич), семеро командующих армиями (Л.Н. Белькович, А.А. Веселовский, М.Ф. Квецинский, Н.М. Киселевский, Л.П. Леш, Р.Д. Радко-Дмитриев, Г.В. Ступин), шестеро главнокомандующих, командующих и главных начальников военных округов (Д.П. Зувев, А.З. Мышлаевский, П.А. Половцов, Е.А. Рауш фон Траубенберг, Н.А. Ходорович, М.И. Эбелов), 26 командиров корпусов, 56 начальников пехотных дивизий, 13 начальников кавалерийских и казачьих дивизий, инспектор артиллерии армии, 11 инспекторов артиллерии корпусов, 13 командиров артиллерийских бригад. Из названного количества 16 генералов были сняты с должностей по служебному несоответствию, 74 – по болезни, 33 – «по обстоятельствам настоящего времени». В общей сложности в разгар Первой мировой войны 1914–1918 годов из армии были уволены около 100 старших офицеров, включая 8 главнокоман-

дующих фронтами и командующих армиями, 35 из 68 командиров корпусов, 75 из 240 начальников дивизий³¹.

По свидетельству комиссара Временного правительства В.Б. Станкевича, «сознание непрочности своего положения после “чистки”, устроенной на фронте Гучковым, и при постоянных сменах наверху было духовной атмосферой генералитета и, конечно, очень вредно отражалось на деле, отнимало у них последние остатки мужества и энергии»³². В результате прежняя система назначений оказалась разрушена. На руководящие посты нередко стали попадать те, кто в соответствии с прежними правилами ни по своему опыту, ни по чинам не мог туда проникнуть, но отличался преданностью новым властям.

После ухода Гучкова с поста военного министра некоторые из уволенных стали подавать прошения о восстановлении на службе и получили назначения в армии. Предпринял такую попытку и генерал Миллер, назначенный по представлению помощника главнокомандующего армиями Румынского фронта в резерв.

5 мая 1917 года Миллер случайно узнал, что помощник военного министра генерал В.Ф. Новицкий подписал приказ о его назначении в резерв на основании телеграммы вр. и. д. дежурного генерала Ставки П.К. Кондзеровского, сообщавшей о соответствующем представлении помощника главнокомандующего армиями Румынского фронта. Чаша терпения Миллера переполнилась, и 8 мая он написал личное письмо Верховному главнокомандующему генералу М.В. Алексееву.

Миллер писал: «Как ни глубоко я был обижен отношением ко мне бывшего Военного Министра А.И. Гучкова, я до сих пор ни к кому не обращался ни с просьбами, ни с жалобами; не позволил себе беспокоить и Вас в эти страдные дни, в дни Ваших приездов в Петроград 21 апреля и 3 мая, когда каждая минута Вашего драгоценного времени была посвящена делу спасения России.

Я молчал, когда подвергся грубому насилию со стороны взбунтовавшихся маршевых рот; я молчал, когда корпусной съезд, превысив свою власть, делал обо мне постановления; я стерпел, когда военный министр на основании одностороннего, ложного доклада, основанного на протоколе Корпусного съезда, санкционировал незаконное постановление съезда о содержании меня под арестом, и отменил меня от командования корпусом (подчеркнуто синим карандашом кем-то из читателей. – А.Г.); я три недели безропотно провел под арестом, из них четыре дня на солдатской гауптвахте; я был лишен возможности опровергнуть порочащие меня, как корпусного командира, неверные газетные сведения (подчеркнуто синим карандашом кем-то из читателей. – А.Г.). Я все это несчастье, обрушившееся на меня, перенес стойко, и никто, начиная с врачей, пришедших через час после водворения меня на гауптвахту для перевязки моих ран, и кончая членами Следственной Комиссии, не видел меня ни угнетенным, ни взволнованным; меня поддерживали чистая совесть, сознание исполненного долга, как до переворота, так и после него, и вера в то, что найдется такая высшая военная власть, которая поставит справедливость и правду выше популярничанья и лжи»³³.

По приказанию военного министра главнокомандующим Петроградского военного округа генералом Л.Г. Корниловым была назначена следственная комиссия для расследования инцидента. Организация расследования давала генералу уверенность в том, что, как он писал, «мое честное имя и моя служба не будут опорочены на основании лживых показаний бунтовавших солдат и умышленно неверных заявлений ветеринарного врача – председателя Корпусного съезда (подчеркнуто синим карандашом кем-то из читателей. – А.Г.), а также на основании доложенных съезду сплетен преступных писарей (подчеркнуто

синим карандашом кем-то из читателей. – *А.Г.*) дивизионного штаба или злонамеренных слухов, распространяемых среди солдат тыла тайными агитаторами, которым не нравился порядок в корпусе»³⁴. По распоряжению Гучкова Миллер был направлен в Петроград для расследования, генерала сопровождали офицер и вольноопределяющийся.

Разумеется, Миллер стал бороться за восстановление своего доброго имени. 20–28 апреля он дал развернутые показания комиссии, в которых подробно изложил всю свою деятельность с февраля 1917 года. 29 апреля генерал побывал у дежурного генерала при Верховном главнокомандующем А.П. Архангельского и заявил ему, что «никогда на службе не добивался повышений сам, наоборот неоднократно отказывался от таковых; все мое честолюбие заключается в том, чтобы порученное мне дело исполнить возможно лучше, не считаясь с тем, соответствует ли оно табели о рангах и насколько оно материально заманчиво; я всякую работу предпochту тому, чтобы быть сваленным в общую кучу безработных непригодных»³⁵.

28 апреля следственная комиссия представила свое заключение военному министру. Последовавшее назначение Миллера в резерв выглядело как результат расследования, в связи с чем генерал сильно переживал. Фактически в его понимании он оказался осужден без суда. В письме Алексееву он отмечал: «Те, кто с легким сердцем меня оклеветали на корпусном съезде, ныне с высоко поднятой головой торжествующе скажут всем сомневающимся и всем, верившим мне и в мою честность, что их правота и моя виновность подтверждены решением военного министра, принятым после (подчеркнуто генералом Миллером. – *А.Г.*) произведенного тщательного расследования.

Такое решение, принятое тотчас же (подчеркнуто генералом Миллером. – *А.Г.*) после происшествия, носило бы характер очевидной большой несправедливости, но всякий беспристрастный человек таким бы его и считал, как принятое на основании доклада лишь одной стороны; меня оно не опорачивало; принятое же теперь (подчеркнуто генералом Миллером. – *А.Г.*) это решение меня опорачивает в глазах моих подчиненных, моих сослуживцев и моих товарищей в армии (подчеркнуто синим карандашом кем-то из читателей. – *А.Г.*).

Я своему сыну могу завещать в наследство лишь свою “немецкую” фамилию, которую я ни теперь, ни впредь не изменю ради угодничества перед толпой, и мое честное имя; меня хотят лишить последнего.

Я этого не заслужил, не заслужил быть публично оставленным в подозрении, осужденным без суда (подчеркнуто синим карандашом кем-то из читателей. – *А.Г.*).

Я ни милости, ни снисхождения не прошу; но пережить молча и этот удар выше моих сил, это удар в спину человеку, идущему на суд, от которого он ожидает свое оправдание»³⁶.

Заключал свое письмо Миллер извинениями перед Алексеевым за отнятое время и общим выводом: «Я хорошо понимаю, что где лес рубят, там и щепки летят: мелким самолюбиям, личным интересам не место, когда все силы должны быть направлены на спасение России; если я буду одной из тех жертв, которых требует переустройство России, я примирюсь с мыслью, чтоб принести хотя бы пассивную пользу, но не отнимайте у меня того, что мне дороже всего: я безропотно готов быть жертвой несправедливости, если это нужно для общей пользы, но не могу согласиться стать жертвой неразоблаченной и непровергнутой клеветы»³⁷. Свое возвращение в корпус Миллер считал нежелательным, а в качестве преемника предложил Алексееву генерала А.В. Мартынова.

М.В. Алексеев отреагировал на обращение Миллера, составив 16 мая 1917 года секретное письмо на имя нового военного министра А.Ф. Керенского, в котором писал: «Я знаю генерала Миллера с самой лучшей стороны; это один из выдающихся генералов нашей армии; оставлять генерала Миллера без назначения в действующую армию и не использовать его положительных полезных качеств было бы большой ошибкой, не говоря уже о том ущербе армии, какой произошел вследствие его ухода.

Незаслуженные унижения и оскорбления не только словом, но и действием, понесенные генералом Миллером от его же подчиненных в рядах корпуса, который мог бы только лишь гордиться, имея такого выдающегося начальника, как генерал Миллер, вызывают о справедливости... Назначение генерала Миллера на вакантную должность начальника штаба армии Западного фронта, пост, куда он первоначально предназначался, вознаградило бы его за все превратности судьбы, испытанные им в последние дни командования корпусом и возвратило бы действующей армии генерала и начальника, который с самого начала войны приобрел любовь и уважение, как подчиненных, так и всех, кто с ним служил.

Об этом назначении я прошу Вас, Александр Федорович, во имя пользы службы и надеюсь, что Вы не откажете в соответствующем по сему распоряжении»³⁸.

В итоге Миллер добился реабилитации. И хотя Керенский так и не решился назначить его в войска, тем не менее с 6 августа 1917 года Миллер состоял в распоряжении начальника Генерального штаба, а затем получил должность представителя Ставки при итальянской главной квартире. Конечно, большевики не были виноваты в страданиях генерала Миллера весной 1917 года. Однако он считал разрушителями страны и большевиков, и социалистов из Временного правительства, неспособных чем-либо руководить даже в пределах Петрограда³⁹. Для генерала октябрьские события казались очевидным следствием Февраля и развала армии, как и было в действительности. И весьма вероятно, что именно тяжелый личный опыт столкновения с проявлениями революционного развала армии и власти толкнул Миллера в антибольшевистский лагерь Гражданской войны. В рядах белых он надеялся навести в стране и армии порядок в противоположность революционному хаосу образца 1917 года, под несомненным воздействием восприятия которого Миллер находился в дальнейшем. Вернулся на родину он уже только в начале 1919 года для того, чтобы возглавить антибольшевистские силы на Севере России⁴⁰.

Примечания

¹ Кратко этот эпизод ранее был описан в следующих работах: *Истрати Е.Н.* Демократическое движение за мир на Румынском фронте в 1917 г. Кишинев, 1973. С. 19; *Новикова Л.Г.* Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на русском Севере, 1917–1920. М., 2011. С. 108–109; *Френкин М.* Русская армия и революция 1917–1918. Мюнхен, 1978. С. 105; *Wildman A.* The End of the Russian Imperial Army: The Old Army and the Soldiers' Revolt (March – April 1917). Princeton, 1980. P. 287–289.

² Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е июня 1914 года (с приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 июля 1914 г.). Пг., 1914. С. 183; Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е января 1916 года (с приложением изменений по 1 марта 1916 г.). Пг., 1916. С. 27; Список Генерального штаба. Исправлен по 3-е января 1917 года (с приложением изменений по 8 февраля 1917 г.). Пг., 1917. С. 27.

³ *Игнатъев В.И.* Некоторые факты и итоги 4 лет Гражданской войны (1917–1921 гг.). Ч. 1 // Белый Север. 1918–1920 гг. Мемуары и документы. Архангельск, 1993. Вып. 1. С. 142.

⁴ *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области // Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 3. С. 71.

⁵ *Айронсайд У.Э.* Архангельск. 1918–1919 // Зброшенныя в небытыя: интервенция на Русском Севере (1918–1919) глазами ее участников. Архангельск, 1997. С. 331.

⁶ Ведомственный архив Службы безопасности Украины (ГАСБУ). Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 60. Л. 3.

⁷ Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University, HIA). Evgenii Miller collection. Box 1. Folder 1. Показания Е.К. Миллера. Л. 4.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 7–8.

¹⁰ Там же. Л. 8.

¹¹ Там же. Л. 9.

¹² Там же. Л. 24.

¹³ Там же. Л. 60.

¹⁴ Там же. Л. 19–20.

¹⁵ Там же. Л. 30–31.

¹⁶ Там же. Л. 32–33.

¹⁷ Подробнее см.: *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: справочные материалы. М., 2009. С. 795–804.

¹⁸ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1311. Л. 19–19об.

¹⁹ Революционное движение в русской армии. 27 февраля – 24 октября 1917 года: сб. док. М., 1968. С. 53.

²⁰ Там же. С. 54.

²¹ HIA. Evgenii Miller collection. Box 1. Folder 1. Показания Е.К. Миллера. Л. 63.

²² Там же. Л. 42.

²³ Там же. Л. 63.

²⁴ Там же. Л. 48.

²⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1311. Л. 15.

²⁶ HIA. Evgenii Miller collection. Box 1. Folder 1. Показания Е.К. Миллера. Л. 45.

²⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1311. Л. 18–18об.

²⁸ Там же. Д. 1310. Л. 20.

²⁹ Там же. Д. 1311. Л. 17об.

³⁰ Там же. Л. 19об.

³¹ *Кавтарадзе А.Г.* Примечания // *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты: крушение власти и армии, февраль – сентябрь 1917 г. М., 1991. С. 505; *Павлов Ю.А.* Гучковская «чистка» армии (март – апрель 1917 г.) // Россия в войнах начала XX века. Екатеринбург, 2005. С. 215–228.

³² *Станкевич В.Б.* Воспоминания. 1914–1919 г. Берлин, 1920. С. 178.

³³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1311. Л. 15–15об.

³⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1311. Л. 15об.

³⁵ Там же. Л. 17об.

³⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1311. Л. 16–16об.

³⁷ Там же. Л. 16об.

³⁸ Там же. Л. 20–20об.

³⁹ HIA. Evgenii Miller collection. Box 1. Folder 3. Л. 12, 24.

⁴⁰ Этот эпизод впоследствии использовался в большевистской пропаганде для дискредитации Миллера. В частности, агитационная комиссия Олонецкого губернского комитета РКП(б) в 1919 г. выпустила прокламацию к населению Мурманска «Кто командует на Мурмане? (Правда о генерал-лейтенанте Миллере)». В прокламации утверждалось, что Миллер систематически задерживал все извещения после Февральской революции, тогда как контрреволюционные воззвания распространял оперативно. Далее в целом достоверно излагалась история событий 7 апреля 1917 г., причем было отмечено, что Миллер – это генерал, уже «битый» народом. В конце прокламации со-

держался призыв: «Революционные солдаты били его в 1917 году в Кимполунге на Карпатах, так же они побьют, а лучше, если убьют его в 1919 году на Мурмане. Поскорей уничтожьте эту мразь, когда трудящиеся обеих сторон быстро договорятся и заключат мир» (Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане: сб. док. и мат. Мурманск, 1960. С. 383).